

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Представший перед читателями обзор хранящихся в Музее антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) материалов по культуре бамбара, одного из ведущих народов-этносов Республики Мали и всего Западного Судана, разумеется, не может претендовать на исчерпывающую полноту. После книги «Бамбара: от образа жизни к образам мира и произведениям искусства. Опыт этнографического музееведения» [Арсеньев 2000] это мой второй шаг в попытке комплексного охвата культуры бамбара на базе коллекций МАЭ. Первая книга была своего рода конспектом, абрисом подобного охвата, лишь намечала подходы. В ней только обозначались общие коннотации мира реальности бамбара, мира отражения этой реальности самими бамбара и меры адекватности видения этих соотношений исследователями. При этом от исследователей требовался как взгляд, сочетающий живой непосредственный контакт с бамбара и их средой, и так и видение на основе «среза» этой культуры и жизни, представленных в вещах, хранящихся в музейных фондах. Эта же работа стремится конкретизировать и уточнить самые общие «построения» начального текста. Она предоставила возможность взглянуть подробнее и конкретнее, во многом критичнее на написанное и опубликованное в 2000 г. За это время мне довелось дважды побывать в Республике Мали, жить среди бамбара, собрать новые коллекции, а главное — лучше осознать глубокую, как сказали бы без всякой двусмысленности французские коллеги, «интимную» связь между обществом и культурой бамбара и «матерью-природой», в которой они живут. В данном случае слово «интимный» вполне уместно, потому что отражает не только видимую сторону связи, но и невидимую, неосознанную — даже самими бамбара. Эта связь весьма деликатна, весьма «трепетна» по-своему. Она хрупка, тонка, чаще — почти невидима. Но она императивна для всех форм существования бамбара, потому что непрерываемо диктует им основы общественного и индивидуального поведения, специфику техник и технологий, а равно и образы,

в которых им дан мир. Это происходит так незаметно, но так неуклонно, определяет веками и тысячелетиями существование этой популяции, этого отряда рода человеческого, который на определенном этапе собственной истории вошел в осознание других отрядов людей и всей нынешней мировой культуры, мирового знания как «бамбара».

Подводя итоги этого исследования, следует вновь, как и десять лет назад, обратить внимание на три выделенные стороны единого круга затронутых проблем. Речь идет о «триединстве» рассмотрения и видения реальности бамбара через призму музееведческого подхода: а) объективной реальности — данности форм и стереотипов жизни бамбара, одной из групп населения Западного Судана; б) субъективном отражении этой действительности в сознании, идеологии, сценариях поведения, символах и ценностях самих носителей этих форм жизни; в) возможностях и установках этнографического музея в плане передачи, воспроизведения, познания этих реальностей Западного Судана в инокультурной среде, включая и мотивированность подобных усилий интересами культурной среды самого музея.

Конечно же, собственно музееведческий подход имеет и свою неизбежную заданность, и свои ограничения в реализации. Особенно если этот подход воспринимать узко — как прикладной, непременно привязанный к вещам («номерам», «единицам хранения») и «двигающийся от них». Именно такое «движение» от вещи к эпохе, к культуре, к событию чаще всего и приветствуется в музейной исследовательской практике. Это метод индукции, накопления, более или менее случайного, спонтанного «поиска». Но еще более — метод «спонтанных, спорадических находок».

Можно утверждать, что в музейной этнографической практике назрела потребность в иной стратегии, иной идеологии видения, деятельности, целеполагания. Необходима осознанная данность, непреложность целостности: бытия, отражения, исследования. Для музея, возможно, потребуется вневременность видения, многомерность его и, чего нельзя исключить, иррациональность для соединения, «сшивания», синтеза выделенных аспектов, сторон, срезов и сфер действительности. И сам музей, смешивая пласты времени и традиций, должен устремляться в будущее, в его строительство при помощи накопленного знания, хранимых вещей как документов, как тех самых «надежных точек опоры», на которых и держится только устойчивое сооружение человеческой жизни.

Эти принципы я попытался сформулировать в предыдущей книге и развить, продолжить в этой. И, как мне представляется, культура

бамбара и ее отражение в фондах МАЭ дают достаточный простор и прочный фундамент для подобного рода амбициозных задач. Именно так рассматривая бамбара, их культуру, быт, верования, инвентарь, можно придти к выводу о том, что в архаической составляющей культуры бамбара последовательно наблюдается своеобразная «сверхзадача», а именно — передача, поддержание, сохранение жизни. Это отражено и в образе существования — в повседневности: в способах и формах хозяйствования, в популяционном воспроизводстве общества и в закрепляющих, нормирующих его системах оформления социумов через «родство». Это же видно и на примере систем отражения — в картинах мира, его образных интерпретациях самими бамбара. Но, может быть, наиболее отчетливо это прослеживается в материализованных, овеществленных «представлениях» и посредниках во взаимодействии со средой — предметах: предметах материальной и духовной культуры, «произведениях искусства». Все это одновременно и есть зримо, достоверно данный нам символический мир бамбара. Он отражен в фондах и экспозиции музея, выступающего депозитарием этих вещей в интересах сохранения, изучения, показа в инокультурной реальности документальных свидетельств другого мира, другой жизни, других образов.

Во всех трех избранных составляющих реализации и манифестации бамбара как общества и культуры (образ жизни, отражение, символическая система) наблюдается «природоцентричность» общества и свойственных ему картин мира. Одновременно проявляются все-связность и всецелостность этих составляющих, а также их тождество по всем основным параметрам жизни общества. При этом как в практическом, так и в отраженном аспектах жизненного процесса устойчиво прослеживается включенность общества и культуры бамбара в мир природы, что и есть выражение «природоцентричности». Сама эта включенность связана с формированием образа всеединого мира как источника всей и всяческой жизни. Можно утверждать, что в соответствии с теми же представлениями бамбара мир и есть жизнь, а соответственно вписание в парадигму жизни есть и императив, и высшая цель (и ценность) бамбара.

Передача жизни мыслится бамбара в привычных для всех людей формах и закрепляется как ценностно безусловная символическая и практическая система, служащая одновременно — в силу идеи всеединства — гармонизации и закреплению согласованного целостного взаимодействия людей и объективного мира. При этом следует иметь в виду, что эта практика воспроизводства, неуничтожимости и пре-

емственности жизни воспринимается бамбара во вполне обыденных, практичных образах и представлениях, как без европейского прагматизма и цинизма, так и без излишней мистификации и романтизации. Однако было бы совершенно неверно считать, что феномен индивидуальной любви, психологического совпадения, симпатии, дружеских чувств им не свойствен. Напротив, культура, пронизанная ощущением всеобщей гармонии, основанная на высоком уровне развития эмпатии в каждом представителе этого общества, делают эти особенности человеческого общения весьма и весьма развитыми. При этом они более открыты и очевидны, менее жестко регламентированы в своих проявлениях среди представителей одной и той же социально-возрастной группы, чем это свойственно европейцам. Для бамбара по жизни идет не отдельно взятый человек-индивид, но группа, проявляющая себя в социально тождественных представителях общества, особях, связанных общностью статуса и ценностной системы.

Есть, конечно, проблема, как показывать в пространстве экспозиции с минимальными средствами вербализации эту высочайшую, приоритетную по отношению ко всем прочим символам и ценностям роль жизни и жизневоспроизводства в культуре бамбара. Это не может делаться буквально, напрямую, в лоб. В то же время и сами музейные фонды обладают весьма ограниченными возможностями для воспроизведения/демонстрации целостных биогесоциальных систем реального жизневоспроизводства — обществ и их природного наполнения (в среде, в принципах и формах взаимодействий популяции со средой, внутренних природообусловленных процессах и т.д.). Чаще всего фонды комплектовались с учетом других подходов, связанных прежде всего с аспектно-аналитическим отражением действительности: по категориям инвентаря, по характеру материалов. Возможно, в музейных условиях и нет шансов воспроизвести эту целостную систему существования в вещах и образах. Однако без осознанной установки на разрешение подобной задачи, как при сборе предметов, так и в рамках экспозиционной деятельности, музей останется собранием более или более случайных вещей. Таковые, может, и не очень плохи как разрозненные документы, послания своей естественной среды, но ограниченно годны для комплексных монографических и тем менее синтетических исследований. То же с неизбежностью касается и экспозиций.

Для того чтобы музей представлял собой нечто иное, более адекватное своему предназначению, он должен перестать выступать «кунсткамерой» — собранием экзотических предметов, своего рода

«складом сувениров». Ценность такого музея нельзя было бы отрицать при наличии других музеев этнографического профиля с актуализированной концепцией и идеологией. Возможна и другая форма сохранения исторически ценного явления, каковой выступали в свое время «кунсткамеры». Это могли бы быть постоянные или временные экспозиции при соответствующем состоянии науки и общественного сознания современном музее. Скажем, в МАЭ в 1990-е годы был проведен эксперимент по восстановлению в рамках временной экспозиции единства антропологических, минералогических и ботанических коллекций в сочетании с научными трактатами и научными инструментами XVII–XVIII вв. Этот эксперимент был несомненной удачей. Возможно, еще правильнее было бы попытаться восстановить в здании МАЭ XVIII в. историческую экспозицию петровской и елизаветинской эпох. В здании же XIX в. можно было бы представить экспозицию периода начального этнографического музееведения конца XIX — начала XX в. При этом в идеале следовало бы создавать принципиально новый по концепции, планировке, дизайну музейный блок актуальной этнографии.

Этнографический музей: обращение к истокам и многообразию культуры

Как мне представляется, современный этнографический музей так или иначе должен воспроизводить (в фондах, экспозиции, концептуальных разработках) нижеследующую или подобную схему рассмотрения любой социальной и культурной реальности (в первую очередь отраженную в соответствующем предметном и образном инвентаре):

а) природная среда;

б) природообусловленные формы производства и воспроизводства жизни;

в) социообусловленные формы производства и воспроизводства жизни;

г) система отражения: обусловленность и формы реализации восприятия и передачи информации, ее интерпретация и систематизация (бытовая/профанная и сакральная/эзотерическая);

д) знаковые и символические системы организации жизни и опосредования биогеосоциальных взаимодействий.

В некоторой степени это и есть минимально необходимые параметры рассмотрения и воспроизведения в мыслительных операциях и в практической музейной деятельности основ существования (и по-